

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ХІ.

Трактатъ 6-го іюля 1827.—Графъ Капо-д'Истрія.—Отношенія къ нему императора Николая.—Сочувствіе императора къ грекамъ.—Законодательные труды.—Пути сообщенія. — Торговля и промышленность.

Въ то время, когда въ царскосельскомъ дворцѣ происходило торжественное принятіе императоромъ Николаемъ знаковъ ордена Подвязки, новый трактатъ по дѣламъ Греціи и Турціи былъ подписанъ (6-го іюля) въ Лондонѣ княземъ Ливеномъ, русскимъ посланникомъ, княземъ Полиньякомъ, французскимъ посланникомъ, и виконтомъ Додлеемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и уполномоченнымъ его британскаго величества. Этотъ трактатъ, по которому три державы обязывались, согласно протоколу 4-го апрѣля 1826, содѣйствовать соглашенію и миру между Портою Оттоманскою и греками, „столько же по чувству челоѡколюбія, сколько и ради спокойствія Европы“, былъ мотивированъ также „необходимостію прекратить кровопролитную борьбу, которая, предавая греческія области и острова Архипелага всѣмъ безпорядкамъ анархіи, съ каждымъ днемъ порождаета новыя препятствія торговлѣ европейскихъ государствъ, и служила предлогомъ морскому разбойничеству“.

Ничто не было измѣнено въ условіяхъ, предложенныхъ султану относительно его верховной власти надъ Греціей и не-

(*) См. „Военный Сборникъ“, 1867 г., №№ 10--12 и 1868 г., №№ 1--3.
Т. LX. Отд. II.

зависимости грековъ подъ покровительствомъ Турціи. Три державы объявляли торжественно, что онѣ не ищутъ въ своемъ посредничествѣ никакого поземельнаго расширенія, никакого исключительнаго вліянія, никакихъ торговыхъ преимуществъ для своихъ подданныхъ.

Австрія и Пруссія хотя и не подписывали трактата 6-го іюля, однако имъ предоставлялось приступить къ нему въ теченіе мѣсяца, если признаютъ полезнымъ или возможнымъ принять на себя обязательство поддерживать основное начало договора, по соглашенію съ Россіей, Франціей и Англійей.

Быть можетъ, и этотъ трактатъ остался бы безъ послѣдствій, какъ и протоколъ 6-го апрѣля 1826, главныя статьи котораго были повторены въ немъ, если бы онъ не имѣлъ дополнительной статьи, придававшей ему характеръ угрожающій: Турціи не оставалось ничего болѣе, какъ или согласиться на требованія, или отвергнуть вмѣшательство, предложенное ей въ видѣ ультиматума. По смыслу добавочной статьи, три державы, въ томъ случаѣ если бы Порты не приняла, въ теченіе мѣсяца, ихъ посредничества, должны были немедленно приступить къ сближенію съ греками, т. е. начать съ ними торговыя сношенія, послать къ нимъ своихъ консуловъ и допустить къ себѣ дипломатическихъ агентовъ элинскаго правительства. Если бы, по прошествіи мѣсяца, Порты не согласилась на перемиріе, или если бы греки отказались отъ выполненія его, то три державы условились объявить той изъ воюющихъ сторонъ, которая хотѣла бы продолжать военныя дѣйствія, или обѣимъ вмѣстѣ, что онѣ всячески будутъ стараться достигнуть немедленнаго заключенія перемирія, но сами не примутъ участія въ войнѣ.

Ратификація трактата 6-го іюля и добавочной къ нему секретной статьи послѣдовала почти тотчасъ же, и оба документа были извѣстны Европѣ мѣсяцемъ раньше, нежели сообщеніе о нихъ послано къ Портѣ Оттоманской. Турецкое правительство показывало видъ, будто и не подозрѣвало существованія лондонскаго договора и даже не жаловалось, что не получало офиціальнаго извѣстія о готовившейся противъ него коалиціи. Оно продолжало еще настойчивѣе свои оборонительныя приготовленія и молча ожидало событій, надѣясь, что греки падутъ въ борьбѣ, прежде чѣмъ союзныя державы рѣшатся поддержать ихъ силою оружія.

Но Греція, сбросившая съ себя вѣковыя цѣпи, не могла ни

погибнуть, ни снова подпасть подъ иго турокъ: императоръ Николай обѣщалъ графу Капо-д'Истрію защитить Грецію и поставить ее на степень европейскихъ государствъ.

И однакожь въ эту именно минуту несчастная Греція видѣла себя въ такомъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ не бывала съ самаго начала борьбы за независимость: войска ея, болѣе измученныя чѣмъ побѣжденные, не могли противостоятъ четверо сидѣнѣйшему непріятелю; флотъ ея, болѣе разбѣянный чѣмъ уничтоженный, не рѣшился даже остановить турецкаго флота, отправленнаго въ Александрію на соединеніе съ флотомъ египетскимъ; Акрополь (цитадель) аѳинскій, послѣ продолжительной геройской обороны, сдался на капитуляцію; Ибрагимъ-паша свирѣпствовалъ на югѣ Морей; сераскиръ, находившійся въ сѣверной части полуострова, ждалъ грозной экспедиціи изъ Египта. Вездѣ жители бѣжали изъ своихъ домовъ и искали убѣжища на Іонійскихъ островахъ, гдѣ гибли отъ нищеты. Временное элинское правительство было раздражаемо партіями; междоусобная война разгоралась между тѣми самыми вождями грековъ, которые съ наибольшимъ самоотверженіемъ дрались за свободу отечества.

Къ счастью, національное собраніе въ Трезенѣ имѣло благоуміе поставить въ главѣ временнаго правительства, съ титуломъ президента и съ диктаторскою властію, графа Капо-д'Истрію, который уже много сдѣлалъ для Греціи и для ея независимости и теперь готовилъ объявить ей повровительство императора Николая. Удалившись, послѣ службы въ Россіи въ званіи статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ, въ Женеву, онъ съ неутомимымъ рвеніемъ трудился здѣсь надъ устройствомъ судьбы своихъ соотечественниковъ и, вмѣстѣ со швейцарскимъ банкиромъ Эйваромъ, не переставалъ посылать грекамъ всякаго рода помощь, особенно оружіемъ и деньгами, которыя получалъ отъ филеленскихъ комитетовъ въ Европѣ. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ былъ ходатаемъ у всѣхъ кабинетовъ за дѣло греческой независимости.

Императоръ Николай Павловичъ давно зналъ и уважалъ графа Капо-д'Истрію, и съ живѣйшимъ сочувствіемъ видѣлъ, что онъ посвятилъ себя всецѣло великому дѣлу освобожденія единовѣрнаго Россіи народа отъ кроваваго и позорнаго турецкаго ига. Вотъ почему Капо-д'Истрія, получивъ извѣстіе о единогласномъ избраніи своемъ въ президенты греческаго правитель-

ства (14-го апрѣля 1827), не поколебался принять столь высокій и опасный постъ; но онъ объявилъ, что предварительно обязанъ испросить на то дозволеніе у своего монарха, императора всероссійскаго. Въ это время графъ Капо-д'Истрія считался еще помощникомъ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде. Его величество пригласилъ Капо-д'Истрію, собственноручнымъ письмомъ, прибыть въ С.-Петербургъ и оказалъ ему приемъ, ясно свидѣтельствовавшій, что императоръ смотрѣлъ на графа уже какъ на главу греческаго правительства, а не какъ на своего статсъ-секретаря. Дѣйствительно, вскорѣ появился въ газетахъ на имя графа Капо-д'Истріи рескриптъ (1-го (13-го) іюля 1827), въ которомъ государь, увольняя его изъ русской службы, согласно изъявленному имъ желанію, выражалъ ему полную и совершенную признательность „за просвѣщенно-ревностное исполненіе обязанностей, преданность пользамъ и славу Россіи и за привязанность къ покойному императору Александру“. Это была единственная награда, которую желалъ получить графъ Капо-д'Истрія за свою долговременную и полезную службу.

Въ рескриптъ ни однимъ словомъ не упоминалось о диктаторскомъ достоинствѣ, въ которое Капо-д'Истрія былъ обличенъ своими соотечественниками; но самое число, выставленное на этомъ знаменательномъ документѣ, доказывало, что президентъ независимой Греціи былъ признанъ с.-петербургскимъ дворомъ. Впрочемъ императоръ Николай Павловичъ говорилъ во всеуслышаніе, что греки не могли избрать человѣка, который обладалъ бы болѣе драгоцѣнными качествами: глубокой умъ, основательное просвѣщеніе, трудолюбіе, строго-нравственная жизнь, безпримѣрная честность, простой и кроткій нравъ, всѣ эти добродѣтели Капо-д'Истрія соединялъ съ непоколебимою вѣрою въ непреложность воли Провидѣнія.

Новый президентъ Греціи, находясь еще въ С.-Петербургѣ, вступилъ съ однимъ лондонскимъ банкиромъ въ переговоры о займѣ для грековъ, которые избрали его своимъ верховнымъ правителемъ и поручили ему заботы о дѣлахъ и интересахъ своего отечества. Императоръ Николай, лично отъ себя, общалъ субсидію въ три миліона. Не одна политика побуждала осударя трудиться въ пользу умпротворенія Греціи: руководимый чувствами человѣколюбія и религіознаго родства, онъ не поколебался объявить себя защитникомъ и покровителемъ

своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ. Какъ глава православной церкви въ Россіи, онъ считалъ священною обязанностію спасти тотъ народъ, отъ котораго русская земля получила первыя сѣмена христіанства.

Великіе интересы вѣшной политики и огромныя приготовленія къ войнѣ съ Турціей не отвлекали однако императора отъ другихъ правительственныхъ трудовъ. Въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ онъ не переставалъ ни на одинъ день слѣдить и наблюдать съ величайшею тщательностію за обширнымъ предпріятіемъ кодификаціи законовъ, порученной Сперанскому. Все, что было сдѣлано прежнею комисіей въ двадцать-четыре года, все это надлежало переработать по новому плану. Потребовалось не менѣе полутора года, чтобы совершить половину колоссальнаго труда, производившагося подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и по мысли монарха.

Новая комисія, въ которой императоръ часто предсѣдательствовалъ, постановила прежде всего основныя начала своихъ трудовъ. Надобно было опредѣлить въ точности свойство и правила кодификаціи, начертать планъ общаго раздѣленія законовъ, расположить, по этому плану, приготовительныя работы и уже затѣмъ приступить къ работамъ окончательнымъ. Прежнія комисіи колебались между двумя системами, не останавливаясь ни на той, ни на другой: между составленіемъ согласовательнаго свода, въ которомъ заключались бы, по порядку предметовъ и безъ всякаго измѣненія текста, всѣ существующіе законы, и между редакціей новаго свода, извлеченнаго изъ всѣхъ этихъ законовъ, изложенныхъ въ формѣ дигеста. Императоръ, раздѣляя мнѣніе Сперанскаго, отдалъ преимущество согласовательному своду. Онъ сдѣлалъ болѣе: послѣ многихъ засѣданій, въ которыхъ обсуждались общіе вопросы, касавшіеся согласовательнаго свода, государь собственноручно написалъ правила, которыми должна была руководствоваться комисія при составленіи свода законовъ.

Эти правила, замѣчательныя своею основательностію и выраженные съ рѣдкою точностію и ясностію, заключали въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Не вносить въ сводъ законовъ тѣ законы, которые утратили свою силу.

2) Исключить и тѣ изъ нихъ, которые были только тождественнымъ повтореніемъ предшествовавшихъ законовъ, всегда

отдавая преимущество самому полному, если не самому старшему, по времени, тексту.

3) Свято сохранять букву закона, воспроизводя въ одномъ текстѣ смыслъ всѣхъ законовъ, относившихся къ одному и тому же предмету.

4) Приводить въ точности указы, на основаніи которыхъ будетъ изложенъ каждый законъ.

5) Изъ двухъ противорѣчивыхъ законовъ отдавать предпочтеніе новѣйшему, основываясь на правилѣ, что всякимъ новымъ закономъ дѣйствительно отмѣняется законъ, ему предшествовавшій.

6) Такъ какъ всякая часть труда комисіи должна быть разсмотрѣна, по принадлежности, министерствами и главными управленіями, то учредить для сего особые комитеты. Главный комитетъ, составленный изъ сенаторовъ и высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, обязанъ разсмотрѣть законы гражданскіе и уголовные.

7) Такъ какъ въ Россіи дѣйствуютъ законы двойкаго рода, одни на всемъ пространствѣ имперіи, другіе лишь въ предѣлахъ извѣстныхъ мѣстностей, то, кромѣ свода общихъ законовъ, должны быть составлены два свода законовъ частныхъ для губерній западныхъ и прибалтійскихъ.

8) Кодификація законовъ, утверждая законодательство прошлаго, оставляетъ широкія рамки для будущаго, въ которыя войдутъ новые законы, вызванные новыми потребностями.

Чтобы избѣгнуть замѣшательства отъ накопленія новыхъ законовъ, комисіи обязывалась, въ концѣ каждаго года, составлять систематическую и однообразную классификацію указовъ, обнародованныхъ въ теченіе года.

На основаніи сихъ инструкцій, начертанныхъ самимъ государемъ, комисіа немедленно занялась редакціей свода русскихъ законовъ; въ то же время она спѣшила кончить, согласно желанію своего августѣйшаго сотрудника, и полное собраніе законовъ имперіи съ 1649 года (т. е. съ уложенія царя Алексѣя Михайловича) до кончины императора Александра I.

Трудъ предстоялъ громадный; но Сперанскій уже давно подготовилъ все нужное къ его совершенію: онъ зналъ источники, отыскалъ и изучилъ ихъ, и потому, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могъ собрать матеріалы и документы, могъ исполнить то, чего не въ состояніи были сдѣлать цѣлыя поколѣнія

правовѣдовъ и государственныхъ людей. Известно, что указы бывають двухъ родовъ: одни, такъ называемые *сенатскіе*, другіе *именные*, т. е. за высочайшимъ подписаниемъ. Первые изъ нихъ, по существующимъ правиламъ, хранились въ архивѣ правительствующаго сената, другіе были, болѣею частію, разсыяны по архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Многіе изъ указовъ втораго рода не были обнародованы, а между тѣмъ они были, въ известнымъ случаяхъ, силу закона и составляли такимъ образомъ родъ негласнаго законодательства, на которомъ, смотря по обстоятельствамъ, могли основываться постановленія административныхъ властей. Всѣ эти указы были собраны, распределены и подвергнуты тщательной критической обработкѣ, благодаря неутомимой ревности Сперанскаго. Много помогалъ Сперанскому, и совѣтами и личнымъ трудомъ, самъ императоръ Николай Павловичъ, неутомимо слѣдившій за работами втораго отдѣленія собственной своей канцеляріи. Сперанскій не только представлялъ ему, всякій понедѣльникъ, краткія записки о занятіяхъ комисіи въ теченіе недѣли, но и совѣщался съ его величествомъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ, возникавшимъ по этому чрезвычайно сложному дѣлу. Рукопись, приготовленная къ печати, также представлялась императору, который, при чтеніи ея, дѣлалъ свои замѣтанія, входящія потомъ въ окончательную редакцію свода законовъ. Этой сухой и утомительной работѣ государь позволялъ перѣдко многіе часы ночи и никогда не тяготился ею.

Сперанскій такъ хорошо употребилъ въ дѣло мысли и замѣтки императора, что въ іюль 1827 года могъ представить ему первую половину историческаго очерка, долженствовавшаго сопровождать обнародованіе „Свода Законовъ“, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общій взглядъ на полное собраніе законовъ, къ печатанію котораго предполагалъ приступить немедленно.

Полное собраніе законовъ, заключающее въ себѣ не менѣе 30,920 указовъ, обнародованныхъ до вступленія на престолъ императора Николая, включая и „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича (1649), должно было составить отъ двадцати пяти до тридцати томовъ въ четвертую долю листа и въ два столбца. Сперанскій уже имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ акты, извлеченные изъ архивовъ гражданскихъ, военныхъ, судебныхъ и синовальныхъ, равно изъ архивовъ императорскаго кабинета и разныхъ вѣдомствъ, и потому надѣялся кончить печатаніе

тридцати томовъ въ теченіе двухъ лѣтъ, при энергическомъ содѣйствіи двухъ своихъ главныхъ сотрудниковъ, статсъ-секретаря Валугьянскаго и барона М. А. Корфа.

Когда наибольшая часть рукописи была готова къ печати, императоръ пожелалъ разсмотрѣть ее въ общаѣ составѣ. Отправляясь, по обыкновенію, въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, онъ взялъ съ собою и огромную рукопись, и не только имѣлъ время прочесть ее, но и сдѣлалъ нѣсколько измѣненій въ частностяхъ.

Спустя нѣсколько дней, началось печатаніе „Свода Законовъ“ въ типографіи втораго отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Государь хотѣлъ самъ сообщить правительствующему сенату столь важное извѣстіе и 22-го августа неожиданно прибылъ въ присутственную залу. Его прибытіе произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на сенаторовъ, что со времени императора Павла они не видали среди себя главу государства.

Пригласивъ сенаторовъ занять свои мѣста, государь самъ занялъ порожнее кресло и просилъ продолжать засѣданіе, не стѣсняясь его присутствіемъ. Когда докладъ и сужденія кончились, его величество произнесъ слѣдующія слова, которыя хотя и не были, какъ говорятъ, внесены въ протоколъ этого достопамятнаго засѣданія, но остались запечатлѣнными въ памяти присутствовавшихъ:

— Господа, я намѣренъ иногда пріѣзжать къ вамъ безъ предъувѣдомленія и засѣдать вмѣстѣ съ вами. Продолжайте трудиться усердно на пользу нашего дорогаго отечества. Вы скоро получите, для облегченія вашихъ трудовъ, надежное и вѣрное руководство въ полномъ собраніи нашихъ законовъ, которое печатается подъ моимъ наблюденіемъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ вашего достопочтеннаго товарища, Михаила Михайловича Сперанскаго. Этотъ обширный трудъ будетъ конченъ въ два года. Что же касается до „Свода Законовъ“, то вы поможете намъ въ этомъ дѣлѣ своею просвѣщенною опытностію и своими совѣтами.

Императоръ, имѣя въ виду дать наибольшее развитіе торговлѣ, не могъ не обратить вниманія на общую систему путей сообщенія въ Россіи. При самомъ вступленіи своемъ на

престоль, онъ общалъ герцогу Александру Вюртембергскому, управляющему съ 1822 года вѣдомствомъ путей сообщения, асигновать суммы для приведенія въ исполненіе тѣхъ проектовъ каналовъ и гидравлическихъ сооружений, которые были составлены еще въ предшествовавшее царствованіе. Въ годъ воцаренія Николая были окончены огромныя работы, начатыя при Павлѣ и продолжавшіяся двадцать пять лѣтъ, по возобновленію вышневолоцкихъ шлюзовъ и по исправленію Ладожскаго канала. Затѣмъ государь утвердилъ проектъ соединенія Дона съ Волгою, долго считавшійся неисполнимымъ, и быстро двинулъ впередъ работы, предпріятыя, по приказанію императора Александра, для прорытія Кирилловскаго канала, должествовавшаго соединить Шексну и сѣверную Двину, и для соединенія Нѣмана съ Балтійскимъ моремъ посредствомъ Видавскаго порта. Но самую любимую мыслью императора Николая Павловича было связать С.-Петербургъ и Москву судоходнымъ путемъ, воспользовавшись для того водами двухъ небольшихъ рѣкъ, Сестры и Истры, т. е. соединить ими Волгу съ верховьями Москвы-рѣки. Первый камень большаго шлюза соединительнаго канала, близъ Подсолнечной Горы, въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, былъ положенъ съ большимъ торжествомъ въ октябрѣ 1827 года.

Старанія императора дать русской торговлѣ и промышленности возможно-широкое поле дѣятельности, не остались безплодными: въ то самое время, когда наши морскія силы увеличивались въ моряхъ Балтійскомъ и Черномъ и когда южная армія приводилась на военное положеніе, мирные труды преуспѣвали все болѣе и болѣе: фабрики суконныя, шелковыя, хлопчатобумажныя, полотняныя стали возникать въ такомъ числѣ, что выдѣлка тканей почти удвоилась, вслѣдствіе чего и привозъ въ изъ-за границы уменьшился наполовину. Страдала только хлѣбная торговля подъ вліяніемъ запретительной системы; но, по представленію министра финансовъ, высочайшимъ указомъ 30-го мая разрѣшенъ былъ свободный отпускъ хлѣба изъ с.-петербургскаго порта, независимо отъ портовъ южныхъ, откуда отпускъ пшеницы производился уже въ огромныхъ размѣрахъ. Предвидя однако, что война неминуемо ограничитъ и стѣснитъ отечественную торговлю, императоръ пользовался всякимъ случаемъ оказывать свое покровительство торговому сословію. Такъ въ теченіе 1827 года онъ разрѣшилъ учрежде-

нѣ компаніи винодѣльцевъ въ Крыму, утвердилъ статутъ голландскаго общества въ Одессѣ и значительно уменьшилъ гильдейскія повинности.

ХП.

Многосторонняя дѣятельность императора Николая.—Закладка триумфальныхъ воротъ въ честь гвардейскихъ войскъ.—Рекрутскій наборъ.—Извѣстія изъ Персіи отъ Паскевича.—Загруднительность отношеній въ Турціи.—Султанъ Махмудъ отвергаетъ посредничество Россіи, Англій и Франціи.—Наваринское сраженіе.

Можно было бы подумать, что императора мало занимали и персидская война, и восточный вопросъ, при видѣ той необыкновенно-разнообразной дѣятельности, которой онъ посвящалъ свое время и свои труды. Рассмотрѣніе архитектурныхъ плановъ цирка для конныхъ представленій и вольтижированія, осмотръ вновь выстроеннаго собора Преображенія, сгорѣвшаго два года передъ тѣмъ, повелѣніе открыть конкурсъ на перестройку собора въ Нижнемъ Новгородѣ, при чемъ его величество выразилъ желаніе, чтобы новые православные храмы сооружались въ древнемъ византійскомъ стилѣ, и, наконецъ, закладка триумфальныхъ воротъ въ честь гвардейскихъ войскъ—на все это императоръ Николай Павловичъ находилъ возможнымъ удѣлять время, лѣтомъ и осенью 1827 года, при всѣхъ своихъ непрестанныхъ государственныхъ трудахъ.

Закладка триумфальныхъ воротъ совершена была 26-го августа съ большою торжественностію. Всѣ офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые, имѣвшіе медаль за 1812 годъ и прусскій желѣзный крестъ, были собраны и построены побаталіонно и поэскадронно, начиная отъ Нарвской заставы до того мѣста на петергофской дорогѣ, гдѣ назначено было соорудить новые каменные, одѣтыя бронзою, триумфальныя ворота взамѣнъ временныхъ старыхъ деревянныхъ, построенныхъ въ 1814 году по рисунку Гваренги. Послѣ божественной службы и по окончаніи церемоніала закладки и прохожденія войскъ предъ императоромъ, генералы, участвовавшіе въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, члены дипломатическаго корпуса, генералъ-адъютанты и командиры полковъ гвардіи собрались у мѣста закладки; кромѣ того, отъ каждаго полка находились здѣсь, въ качествѣ депутатовъ, по одному унтеръ-офицеру и рядовому. Всѣ присутствующіе, по старшинству, положили медали за войну 1812 года въ каменный ящикъ, задѣланный потомъ гра-

нитною крышею, на которой была изсѣчена надпись, объяснявшая обстоятельство и причины сооруженія триумфальныхъ воротъ. На покрытіе издержекъ назначено было употребить 400,000 рублей, завѣщанные покойнымъ генераломъ-отъ-кавалеріи Уваровымъ въ память того времени, когда онъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Но какъ наканунѣ торжества разнесся на с.-петербургской биржѣ слухъ, что этихъ денегъ не достанетъ и что отъ 20,000 — 30,000 рублей придется дополнить изъ государственнаго казначейства, то именитѣйшіе биржевые негоціанты просили принять отъ нихъ 50,000 рублей на покрытіе расходовъ по архитектурнымъ и скульптурнымъ украшеніямъ отечественнаго монумента. Удостоенные за такое патріотическое пожертвованіе изъясненіемъ особеннаго удовольствія его величества, биржевые негоціанты единогласно постановили внести, по случаю рожденія великаго князя Константина Николаевича, еще 20,000 рублей на дѣла благотворенія. По ихъ примѣру, и другіе русскіе и иностранные купцы собрали между собою 26,000 рублей и открыли въ гильдіи подписку съ тѣмъ, чтобы вся собранная сумма была употреблена на расходы по постройкѣ триумфальныхъ воротъ.

Спустя пять дней послѣ закладки триумфальныхъ воротъ, обнародованъ былъ высочайшій манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, подписанный въ тотъ самый день, когда ветераны 1812, 1813 и 1814 годовъ присутствовали при военномъ торжествѣ, долженствовавшемъ увѣковѣчить ихъ дѣла. Это былъ первый наборъ (по два человека съ пяти сотъ душъ) въ царствованіе императора Николая и въ первый же разъ евреи были подчинены отправленію личной воинской повинности, отъ которой до сихъ поръ они откупались деньгами. Наборъ могъ дать до 500,000 рекрутовъ, но и столь значительная цифра оказывалась едва достаточною для приведенія на военное положеніе арміи, сосредоточенной въ Вессарабіи и въ южныхъ губерніяхъ и для укомплектованія отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Причина та, что въ этотъ годъ уволено было въ отставку большое число людей, выслужившихъ сроки.

Военныя дѣйствія противъ персіянъ продолжались правильно и методически, сопровождаемая непрерывнымъ рядомъ успѣховъ и побѣдъ, несмотря на лживыя извѣстія изъ Теге-

рана и изъ Константинополя, съ злорадствомъ повторявшіеся въ иностранныхъ, особенно въ англійскихъ, газетахъ. Писали, напримѣръ, будто въ дѣлѣ при Абарани нашъ отрядъ, потерявъ 1,800 человекъ, обратился въ бѣгство, и этому слуху вѣрили не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Императоръ Николай Павловичъ, желая уничтожить выдумки вѣстовщиковъ и успокоить общественное мнѣніе, которымъ никогда не пренебрегалъ, приказалъ возить по улицамъ С.-Петербурга знамена, взятые при Джеванъ-Булакѣ и ключи крѣпости Абасъ-Абада. Тѣмъ не менѣе государь не вполне былъ спокоенъ за окончательный результатъ кампаніи, которая продолжалась уже четыре мѣсяца и не ознаменовалась еще никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ. Онъ зналъ, что Абасъ-Мирза и зять его Агааръ-Ханъ, главный дѣятель въ этой войнѣ, подчинялись тайному вліянію Турціи и располагали арміей, которая, по преувеличеннымъ извѣстіямъ, простиралась до 90,000 человекъ.

По слухамъ, доходившимъ съ запада Европы, персидская армія могла не только противостоять войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но и брать надъ ними перевѣсъ, въ доказательство чего иностранныя газеты указывали на поражение, претерпѣнное будто-бы двумя баталіонами лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Хотя въ донесеніяхъ Паскевича ничего не упоминалось объ этомъ случаѣ, однако неприятные слухи тревожили императора, и потому онъ съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ донесеніе Паскевича о взятіи 19-го сентября крѣпости Сардаръ-Абада, считавшейся ключемъ Персіи. Его величество надѣялся, что послѣ этого военныя дѣйствія пойдутъ скорѣе и что войска наши немедленно двинутся къ Эривани; но, не дождавшись вѣстника новой побѣды, отправился въ Ригу. Передъ отъѣздомъ императоръ удостоилъ генералъ-адъютанта Паскевича лестнымъ рескриптомъ (отъ 17-го октября), при которомъ были препровождены знаки ордена св. Владимира первой степени, пожалованные за занятіе Нахичевани, за поражение Абаса-Мирзы при Джеванъ-Булакѣ и за взятіе крѣпости Абасъ-Абада.

Между тѣмъ адъютантъ Паскевича, въ двѣнадцать дней и двѣнадцать ночей проскакавшій огромное пространство между Эриванью и С.-Петербургомъ, пріѣхалъ съ извѣстіемъ о паденіи столицы Арменіи и привезъ богатое оружіе знаменитаго

предводителя персидскихъ войскъ, Гассанъ-Хана, взятаго въ плѣнъ съ трехтысячнымъ гарнизономъ. Не заставъ государя въ Петербургѣ, адъютантъ поспѣшилъ въ Ригу, куда прибылъ 26-го октября послѣ полудня.

Лишь только императоръ получилъ столь важное извѣстіе, какъ собственноручнымъ рескриптомъ увѣдомилъ о томъ тогдашняго генераль-губернатора прибалтійскихъ губерній, маркиза Паулучи, и послалъ къ нему пику и кинжалъ Гассанъ-Хана, для храненія этихъ трофеевъ въ рижской ратушѣ.

Императоръ ожидалъ подробнаго донесенія о взятіи Эривани тѣмъ нетерпѣливѣе, что желалъ знать, какое вліяніе будетъ имѣть это событіе на дальнѣйшій ходъ войны и не будетъ ли заключенъ миръ въ павшей столицѣ Арменіи; но Паскевичъ, хорошо знакомый съ мусульманскою гордостью и съ мусульманскимъ упрямствомъ, не надѣялся преодолѣть ихъ прежде чѣмъ овладѣтъ Тавризомъ.

Какъ предполагалъ Паскевичъ, такъ и случилось. Едва Тавризъ былъ занятъ 14-го октября дивизіей князя Эристова, Абасъ-Мирза прислалъ письмо, въ которомъ объявлялъ, что уполномоченъ шахомъ заключить миръ. 31-го октября Паскевичъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ эту вторую столицу Персіи, а 2-го ноября въ небольшой деревнѣ, въ верстахъ восьми отъ Тавриза, открылись переговоры о мирѣ. На другой же день были подписаны предварительныя статьи этого столько же славнаго, сколько выгоднаго для Россіи мира.

Успокоенный послѣ взятія Эривани за счастливый исходъ войны съ Персіей, императоръ Николай тѣмъ заботливѣе слѣдилъ за все болѣе и болѣе усложнявшимися затрудненіями въ отношеніяхъ Россіи съ Турціей. Тамъ событія шли съ неудержимою быстротою, хотя лондонскій трактатъ, подписанный 6-го іюля, еще не былъ сообщенъ Портѣ.

Изъ всѣхъ великихъ державъ одна Австрія не присоединилась къ этому трактату, подѣ предлогомъ имѣть, въ качествѣ нейтральной державы, болѣе прямое посредствующее вліяніе между султаномъ и тремя союзными государствами. Султанъ, съ своей стороны, показывалъ видъ, что ничего не знаетъ о существованіи трактата, извѣстнаго всей Европѣ. Правда, онъ старался выиграть время, рассчитывая, въ данную минуту, подавить греческое возстаніе и затѣмъ отвѣчать, грубою логикою совершившагося факта, на требованія европейской дипломатіи.

Приготовленія къ оборонительной войнѣ продолжались на всѣхъ пунктахъ турецкой имперіи: Махмудъ безпрестанно посылалъ поддѣржленія къ Решиду-пашѣ, который, вмѣстѣ съ Ибрагимомъ, оканчивалъ покореніе послѣднихъ крѣпостей въ Морей; въ особенности торопилъ султанъ египетскаго пашу выходомъ флота изъ александрійской гавани, чтобы уклониться отъ крейсеровъ эскадръ русской, англійской и французской. Но всѣ эти угрожающія мѣры падишаха не могли поколебать энергіи нашего посланника: Рибопьеръ продолжалъ настойчиво требовать удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное рейсъ-эфенди императору, будто бы неисполнившему своихъ обязательствъ относительно Порты, выраженныхъ уполномоченными въ Акерманѣ. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ не давалъ никакого категорическаго объясненія по этому вопросу; онъ только поставилъ на видъ, что назначеніе графа Капо-д'Истрии президентомъ греческаго правительства доказываетъ открытое заступничество императора за возмущившихся грековъ. Напротивъ того, Рибопьеръ доказывалъ, что императоръ Николай желалъ соблюдать строгій нейтралитетъ относительно турокъ и грековъ, и съ этою цѣлю посланникъ нашъ адресовалъ циркуляръ капитанамъ русскихъ торговыхъ судовъ, воспредавшій имъ перевозить военные и продовольственные запасы, назначенные той или другой воюющей стороной.

По смыслу трактата 6-го іюля, каждая изъ союзныхъ державъ обязывалась послать въ Средиземное море эскадру изъ четырехъ линейныхъ кораблей, четырехъ фрегатовъ и изъ нѣсколькихъ меньшаго ранга судовъ. Эскадры эти еще не были собраны вполне, но начальники ихъ, вице-адмиралы Кодринтонъ и де-Риньи и контръ-адмиралъ графъ Гейденъ уже условились между собою, какія мѣры слѣдовало принять, чтобы прекратить военныя дѣйствія между греками и турками. Прежде всего надлежало воспротивиться выходу египетскаго флота, и для того блокировать его въ александрійскомъ портѣ; надобно было также воспрепятствовать всякому сообщенію, моремъ, Константинополя съ греческими гаванями и сдѣлать невозможнымъ подвозъ продовольствія турецкимъ войскамъ, уже владѣвшимъ почти всею Мореей.

Султанъ ожидалъ со дня на день ультиматума союзныхъ державъ и заранѣе рѣшилъ не соглашаться ни на какую уступку. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ на дружественныя представле-

нія прусскаго посланника Мильтица, совѣтовавшаго принять посредничество державъ: „Ультиматумъ, которымъ намъ грозятъ, есть вексель, который не будетъ акцептованъ“.

16-го августа драгоmani трехъ державъ явились къ рейсъ-эсенди и представили ему трактатъ 6-го юля, вмѣстѣ съ коллективными нотами своихъ посланниковъ; но какъ всѣ эти дипломатическіе документы были въ запечатанныхъ пакетахъ, то турецкій министръ отвѣчалъ, что не приметъ ихъ, пока не узнаетъ содержанія бумагъ, присланныхъ посланниками. Драгоmani сказали, что имъ приказано только вручить депеши, положили ихъ на столъ и удалились.

Дивану давался двухнедѣльный срокъ на окончательный отвѣтъ о принятіи или непринятіи Турціей посредничества трехъ державъ. Въ первомъ случаѣ, перемиріе между Турціей и Греціей поставлялось непремѣннымъ условіемъ; въ случаѣ же отказа, увлочливаго отвѣта или просто молчанія, союзные дворы указывали на необходимость, съ ихъ стороны, прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя могли бы прекратить „положеніе дѣлъ, несовмѣстное ни съ пользами самой Порты, ни съ безопасностію торговли вообще, ни съ спокойствіемъ Европы“.

На другой день представленія рейсъ-эсенди дипломатическихъ документовъ, прусскій посланникъ адресовалъ ему дружественную, но весьма категорическую ноту, въ которой объявлялъ, что хотя прусское правительство и не подписывало трактата 6-го юля, однако и оно имѣетъ въ виду достигнуть цѣли, предположенной Россіей, Англіей и Франціей, т. е. „остановить кровопролитіе, спасти христіанскій народъ отъ истребленія, удалить причины несогласій и смуть, издавна грозящихъ спокойствію Европы“. Друзья мира надѣялись, что, получивъ эту ноту, турецкое правительство наконецъ образумится; но австрійскій интернунцій не только не поддержалъ своего прусскаго товарища, напротивъ, какъ тогда утверждали, подстрекалъ султана Махмуда къ сопротивленію и обѣщалъ ему покровительство Австріи.

Такимъ образомъ заявленіе трехъ посланниковъ осталось безъ отвѣта, и вскорѣ стало извѣстнымъ, что султанъ приказалъ перенести въ Сераль большую часть военныхъ снарядовъ, собранныхъ въ арсеналѣ Топханэ и въ крѣпостяхъ Босфора. 31-го августа истекъ двухнедѣльный срокъ. На послѣднее требованіе посланниками отвѣта рейсъ-эсенди отвѣчалъ надменно:

„Порта ссылается на свою декларацію 9-го іюня и не имѣеть ничего прибавить къ ней“.

Тѣмъ временемъ египетскій флотъ успѣлъ обмануть бдительность союзныхъ крейсеровъ, или, быть можетъ, ему нарочно позволили выйти изъ Александріи, чтобы имѣть право атаковать въ открытомъ морѣ и уничтожить его, если бы Порта отвергла посредничество державъ. Этотъ огромный флотъ, состоявшій изъ девяноста двухъ судовъ, имѣлъ, кромѣ экипажа, пять или шесть тысячъ десанта; онъ везъ большіе запасы продовольствія и снарядовъ, лошадей, артилерію и миліонъ испанскихъ піастровъ, посланныхъ вице-королемъ египетскимъ Ибрагиму-пашѣ въ Морею.

Союзныя эскадры болѣе слѣдовали за египетскимъ флотомъ, чѣмъ преслѣдовали его; они не помѣшали ему войти, 9-го сентября, въ наваринскій портъ и высадить тамъ привезенныя войска. Но съ этой же минуты турецко-египетскій флотъ былъ запертъ на рейдѣ и три союзные адмирала дали знать капитанъ-бею Тагиръ-пашѣ, командовавшему египетскими судами, чтобы онъ удержался отъ всякаго рода непріязненныхъ дѣйствій противъ грековъ, такъ какъ греки приняли предложенное имъ державами перемиріе, которое, волею или неволею, будетъ примѣнено и къ Турціи.

Въ эту рѣшительную минуту посланники сдѣлали послѣднюю попытку примиренія. 14-го сентября они отправили къ турецкому министру своихъ драгомановъ. Рейсъ-эфенди, на этотъ разъ хотя и значительно умѣрившій свой надменный тонъ, не упомянулъ однако о нотахъ, недавно ему врученныхъ, какъ бы желая показать, что не читалъ и даже не распечатывалъ ихъ. Обратясь къ англійскому драгоману, говорившему отъ имени трехъ посланниковъ, онъ сказалъ ему съ невозмутимымъ хладнокровіемъ: „*Вов и мое право*—деви́зъ Англій: можемъ ли мы принять другой деви́зъ, когда намъ открыто угрожаютъ несправедливымъ нападеніемъ?“ Спустя нѣсколько дней, рейсъ-эфенди, подъ предлогомъ глазной болѣзни, сложилъ съ себя должность и на мѣсто его былъ назначенъ каяя-бей, или министръ внутреннихъ дѣлъ. Принявъ, 18-го сентября, драгомановъ трехъ посланниковъ, новый рейсъ-эфенди объявилъ имъ съ холодною вѣжливостію, что Порта Оттоманская никогда не станетъ договариваться о покорности своихъ возмутившихся подданныхъ, не отступить и отъ своей обычной умѣренности

относительно союзныхъ державъ, но если ее станутъ принуждать, то она готова отвѣчать выстрѣломъ на выстрѣлъ, ядромъ на ядро. Потомъ, обратясь къ рускому драгоману, рейсь-эфенди съ утонченною учтивостію просилъ его доложить тайному совѣтнику Рибопьеру, что турецкіе комисары уѣхали для опредѣленія границъ, согласно условіямъ аерманскаго трактата.

На другой день (19-го сентября) два русскіе корабли, прибывшіе изъ Одессы подъ купеческимъ флагомъ, неожиданно появились въ константинопольскомъ портѣ, не будучи остановлены при входѣ въ каналъ подъ батареями замка Фанаки. Это были два военныхъ брига, вооруженные восемьдесятью пушками; но такъ какъ на нихъ не развѣвался русскій военный флагъ и экипажъ не имѣлъ на себѣ военной формы, то турецкое правительство и не могло заставить ихъ выйти изъ порта. На запросъ рейсь-эфенди Рибопьеръ отвѣчалъ, что Портъ нечего опасаться прихода двухъ бригавъ, но что если гораздо большее число военныхъ русскихъ судовъ явится предъ Константинополемъ, то пусть Порты винить себя, потому что она сама вызоветъ ихъ своими угрозами русскому посланнику и притѣсненіями русскихъ подданныхъ.

Турецкое правительство, дѣйствительно, само было причиною того враждебнаго настроенія константинопольской черни, которое стало обнаруживаться противъ Рибопьера: неосторожные отзывы о Россіи, высказанные въ Диванѣ, нашли отголосокъ въ мусульманскихъ фанатикахъ и послужили поводомъ къ сборищамъ вокругъ дома русскаго посольства. Рибопьеръ далъ знать министрамъ султана, что онъ немедленно выѣдетъ изъ столицы, если его семейство и онъ самъ не будутъ въ безопасности. Сборища были разогнаны; тѣмъ не менѣ посланникъ нашъ призналъ благоразумнымъ удалиться въ Буюкдере со всѣми чинами посольства и написалъ въ С.-Петербургъ, что отнынѣ его мисію можно считать конченною. „Одна пушка можетъ теперь сломить мусульманское упрямство“, говорилъ Рибопьеръ; „Порта рѣшилась противиться союзнымъ державамъ; но, готовясь сражаться съ Франціей и съ Англіей, она остается въ увѣренности, что кромѣ насъ у нея нѣтъ враговъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Дивана рѣчь шла о немедленномъ объявленіи войны Россіи.“

Императоръ Николай раздѣлялъ мнѣніе своего посланника по этому предмету: онъ не сомнѣвался, что за вниматель-

ствомъ трехъ державъ послѣдуетъ война, которую Россіи придется выдерживать одной. И однакожь государь не сдѣлалъ ничего, что могло бы ускорить или подготовить событіе, которое онъ считалъ неминуемымъ: напротивъ, адмиралу Грейгу приказано было не входить съ черноморскимъ флотомъ въ воды Босфора.

Что же касается флота балтійскаго, вышедшаго изъ Кронштадта въ Средиземное море, то, по желанію сенъ-джемскаго кабинета, императоръ измѣнилъ инструкціи, данныя адмиралу Сенавину: главная дивизія эскадры остановилась въ Портсмутѣ, а контръ-адмиралъ графъ Гейденъ, съ четырьмя линейными кораблями, нѣсколькими фрегатами и другими судами меньшаго ранга, продолжалъ путь, чтобы соединиться въ водахъ Леванта съ эскадрами англійскою и французскою. Остальная часть балтійскаго флота, простоявъ три мѣсяца въ Портсмутѣ, возвратилась, въ началѣ октября, на кронштадтскій рейдъ, гдѣ государь на другой же день ея прихода произвелъ ей смотръ.

Его величество остался очень доволенъ превосходнымъ состояніемъ, въ которомъ нашелъ эту часть балтійскаго флота, и благодарилъ адмирала Сенавина за многія улучшенія, введенныя во всѣхъ частяхъ службы. Матросамъ государь сказалъ:

— Ребята! скоро дойдетъ и до васъ очередь показать себя молодцами, и я увѣренъ, что вы поддержите честь русскаго флага.

Между судами эскадры находились два фрегата, „Марія“ и „Александръ“, пришедшіе изъ Архангельска, и шлюпъ „Кроткій“, возвратившійся изъ двухлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія, подъ командою капитана Врангеля. Въ приказѣ, отданномъ по балтійскому флоту, съ изъявленіемъ особеннаго высочайшаго благоволенія адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ экипажамъ, императоръ не забылъ упомянуть и о начальникахъ и экипажѣ трехъ судовъ, совершившихъ трудное и опасное плаваніе.

Въ самый день этого смотра его величество узналъ изъ депешъ, полученныхъ отъ Рибопьера, что суда контръ-адмирала графа Гейдена благополучно прибыли въ воды Архипелага и готовились присоединиться къ англо-французской эскадрѣ. Рибопьеръ доносилъ также, что турецко-египетскій флотъ все еще былъ блокированъ въ наваринскомъ портѣ, хотя и пытался неоднократно выйти, съ цѣлію перенестись на другіе пункты

морейскаго прибрежья. Адмиралы союзныхъ эскадръ дали знать Ибрагиму-пашѣ, что они истребятъ его флотъ, если перемиріе, ему объявленное, не будетъ соблюдаемо въ точности.

Морская битва казалась неизбежною. Мирная роль посланниковъ кончилась, и потому императоръ Николай могъ уже теперь наградить тайнаго совѣтника Рибоьера за проявленные имъ дипломатическую опытность и твердый характеръ: ему пожалованы были (2-го (14-го) октября 1827) знаки ордена св. Александра Невскаго.

Рибоьеръ хорошо предвидѣлъ все то, что неминуемо должно было случиться вслѣдствіе роковаго ослѣпленія министровъ султана: предстояло кровавое столкновеніе, потому что Тагиръ-паша получилъ изъ Константинополя строгій приказъ продолжать военныя дѣйствія противъ грековъ, не обращая вниманія на совѣты, убѣжденія и угрозы союзныхъ адмираловъ. Въ то же время и Ибрагимъ-паша продолжалъ со свирѣпымъ ожесточеніемъ кровопролитіе и опустошенія въ Моревъ; онъ предписалъ начальнику турецко-египетскаго флота начать дѣйствія въ Архипелагѣ высадкою на островъ Гидру. Слѣдовательно, Тагиру-пашѣ надлежало употребить силу, чтобы выйти изъ наваринскаго порта, въ которомъ онъ былъ блокированъ шесть недѣль. Онъ не успѣлъ однако исполнить тайныхъ инструкцій, полученныхъ изъ Дивана, потому что едва кончилъ онъ амбаркацію войскъ, назначенныхъ для занятія Гидры и другихъ греческихъ острововъ, какъ на горизонтѣ появился союзный флотъ, преградившій ему путь.

Русская эскадра, задержанная въ Мальтѣ исправленіями нѣкоторыхъ аварій, присоединилась, 13-го октября, къ английской эскадрѣ на высотѣ острова Занте, и въ тотъ же день примкнула къ обѣимъ французская эскадра, крейсеровавшая въ Архипелагѣ. Собравшись на совѣтъ, адмиралы рѣшили, не продолжая въ теченіе зимы трудной, дорого стоящей и бесполезной блокады, проникнуть въ наваринскій портъ и здѣсь принудить Ибрагима-пашу къ перемирію, уже столь дерзко имъ нарушенному, а, въ случаѣ надобности, овладѣть турецко-египетскимъ флотомъ, котораго иначе и нельзя было осудить на бездѣйственную роль.

Незадолго передъ тѣмъ, самое категорическое требованіе, подписанное тремя адмиралами, было послано Ибрагиму-пашѣ. Онъ даже не отвѣчалъ на него.

Тагиръ-паша, видя приближеніе грознаго союзнаго флота, понялъ, что не оставалось ничего болѣе, какъ принять бой, сулившій равныя шансы, судя по числу и силѣ турецкихъ и египетскихъ судовъ. На его сторонѣ были и выгоды позиціи: онъ построилъ суда въ видѣ подковы, охватывавшей бухту, такъ что тройная линія представляла, въ сложности, восемьдесятъ-четыре судна всякихъ размѣровъ: три линейныхъ корабля, шестнадцать фрегатовъ, двадцать-семь большихъ корветовъ и двадцать-семь бриговъ, съ значительнымъ числомъ брандеровъ и мелкихъ судовъ.

8-го (20-го) октября, около полудня, союзный флотъ, уже цѣлую недѣлю стоявшій въ виду Наварина, началъ выстраиваться насупротивъ турецко-египетскаго флота, еще наканунѣ приготовившагося къ бою. Главное начальство надъ соединенными эскадрами ввѣрено было, по общему согласію, старшему изъ адмираловъ, вице-адмиралу Кодрингтону, котораго опытность, дарованія и характеръ давно были извѣстны его товарищамъ. Экипажи всѣхъ судовъ, утомленные продолжительнымъ и безплоднымъ крейсерствомъ, одушевляемые пламеннымъ сочувствіемъ къ грекамъ, горѣли нетерпѣніемъ схватиться съ непріателемъ. Особенно сильно было нетерпѣніе на русскихъ судахъ. Графъ Гейденъ сказалъ экипажу своего адмиральскаго корабля „Азовъ“: — „Ребята, вспомните послѣднія слова, съ которыми обратился къ вамъ государь императоръ: *если когда-нибудь вамъ придется быть въ бою, я надѣюсь, что вы покажете себя достойными имени русскаго.*“ На всѣхъ судахъ русской эскадры матросы повторяли: „не посраимъ чести русскаго флага!...“ Соревнованіе и энтузіазмъ достигли высшей степени, и когда отданъ былъ приказъ идти вслѣдъ за англійскими и французскими кораблями, направившимися въ наваринскую бухту, грянуло громовое „ура!“ Стоя на палубѣ и передъ портами, наши матросы показывали пальцами на цѣлый лѣсъ мачтъ турецко-египетскаго флота и весело говорили: „мы и одни управимся съ туркою!“ На замѣчаніе же, что экипажъ непріятельскаго флота вдесатеро многочисленнѣе экипажей трехъ союзныхъ эскадръ, матросы отвѣчали: „зачѣмъ считать! только пустите насъ въ дѣло!“

Сухопутныя батареи, защищавшія входъ въ бухту, безмолвствовали, когда англійскій адмиральскій корабль „Азіа“ выдвинулся впередъ, послѣдуемый прочими судами англійской

эскадры и судами французскими, имѣвшими въ главѣ своей „Сирену“, подъ флагомъ вице-адмирала де-Риньи. Египетскіе брандеры, расположенные на якорѣ впереди порта, также не противились проходу соединенныхъ эскадръ, которыя, искусными распоряженіями сэра Кодрингтона, выстроились, въ видѣ полушѣсяца, насупротивъ неприятельскихъ кораблей. Русская эскадра занимала центръ боевой линіи, имѣя вправо отъ себя эскадру англійскую, а влѣво французскую. Шесть фрегатовъ отдѣлены были для наблюденія за шестью брандерами, преграждавшими входъ въ гавань.

Ни съ той, ни съ другой стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла, такъ какъ по приказу, отданному въ обожь флотахъ, дѣйствія должны были начаться только въ случаѣ атаки. Планъ главнаго начальника соединенныхъ эскадръ былъ выполненъ съ такою быстротою, съ такою точностію, что каждый корабль сталъ бокъ-о-бокъ, рея-о-рею, насупротивъ корабля, съ которымъ ему назначалось сразиться. „Азія“ бросилъ якорь возлѣ линейнаго корабля, на которомъ развѣвался флагъ капуданъ-бея; „Азовъ“—близъ корабля Мохаремъ-бея, командовавшаго египетскимъ флотомъ; „Сирена“—возлѣ перваго фрегата турецкаго флота. На всѣхъ судахъ господствовало глубокое молчаніе. Ожидали только сигнала....

Вице-адмиралъ Кодрингтонъ послалъ фрегатъ „Дармууть“ пригласить египетскіе брандеры выйти изъ порта: ружейный выстрѣлъ, раздавшійся съ одного изъ брандеровъ, ранилъ англійскаго офицера (лейтенанта Фицроя), когда онъ, передавъ требованіе адмирала, возвращался въ шлюпкѣ на свой корабль. Въ то же время, французскій адмиралъ, опросивъ египетскій фрегатъ, гдѣ канониры направляли противъ него пушки, получилъ въ отвѣтъ два ядра, которыя ударились въ бокъ его корабля. Де-Риньи отвѣчалъ, съ своей стороны, залпомъ. Огонь загорѣлся по всей линіи.... Тогда и сухопутныя батареи стали стрѣлять по послѣднимъ русскимъ судамъ аріергарда.

Кодрингтонъ, корабль котораго еще не принималъ участія въ бою, хотѣлъ остановить огонь, пославъ къ капуданъ-бею парламентаря: парламентаръ былъ убитъ въ шлюпкѣ, въ которой онъ направлялся къ турецкому адмиральскому кораблю. Тотчасъ послѣ этого сраженіе сдѣлалось общимъ. Три часа сряду соединенныя эскадры громили турецко-египетскій флотъ, суда котораго загорались и ежеминутно взлетали на воздухъ.

Русскій адмиральскій корабль, атакованный пятью судами, потопилъ два изъ нихъ; но какъ бой былъ слишкомъ неравенъ, то французскій корабль „Бреславль“ поддержалъ „Азовъ“. Это позволило графу Гейдену возобновить наступленіе противъ трехъ турецкихъ кораблей, сбить съ нихъ мачты и, въ свою очередь, оказать помощь англійскому адмиральскому кораблю, который схватился съ восьмидесяти-четырепущечнымъ египетскимъ адмиральскимъ кораблемъ. Тогда послѣдній бросился на „Азовъ“, но былъ встрѣченъ нѣсколькими губительными залпами въ упоръ и загорѣлся. Такъ какъ нашъ адмиральскій корабль, осыпая его картечью, воспрепятствовалъ экипажу потушить пожаръ, то огонь проникъ въ крѣпость-камеру и судно взлетѣло на воздухъ.

До какой степени одушевлены были люди на „Азовѣ“, можно судить по тому, что, несмотря на значительное число раненыхъ, не слышно было ни жалобъ, ни ропота; напротивъ, тяжело-раненые, принесенные на перевязку, кричали „ура!“. Унтеръ-офицеръ Туркинъ находился на гротъ-марсѣ, когда ядро раздробило ему руку; онъ спустился твердымъ шагомъ, убѣждалъ товарищей свято исполнять свой долгъ и спокойно выдержалъ болѣзненную операцію, сожалея только о потерѣ правой руки и о невозможности перекреститься, чтобы возблагодарить Бога за побѣду, одержанную надъ врагами христіанъ.

Капитанъ-лейтенантъ Барановъ только-что приготовился отдать приказаніе, какъ картечь выбила у него рупоръ, приложенный къ губамъ, вышибла нѣсколько зубовъ и раздробила кисть руки. Барановъ потребовалъ другой рупоръ, взялъ его въ лѣвую руку, хладнокровно поднесъ къ окровавленному рту, отдалъ приказаніе и не оставлялъ своего поста до конца сраженія.

Фрегатъ „Константинъ“, командуемый капитаномъ Хрущовымъ, спасъ англійскій бригъ, потерявшій свои якоря и тавеляжъ и готовый потонуть по причинѣ многихъ пробоявъ. Бригъ былъ взятъ Хрущовымъ на бакштовъ и въ такомъ безопасномъ положеніи оставался до слѣдующаго дня.

Въ концѣ боя, турецкій фрегатъ, превращенный въ брандеръ, успѣлъ проскользнуть между „Азовымъ“ и „Гангудомъ“, съ цѣлю взорвать оба эти корабля. Командиръ „Гангуда“, Авинновъ, замѣтивъ опасный маневръ, свѣспился съ непріятель-

снимъ фрегатомъ и своручно убилъ того, кому было поручено зажечь брандеръ.

Въ пять часовъ пополудни, первая линія турецко-египетскаго флота была уничтожена: корабли и фрегаты были или избиты, или сожжены, или потоплены; прочія суда съли на мель, гдѣ турки сами сожгли ихъ. Вечеромъ оставалось на водѣ до двадцати полусгорѣвшихъ корветовъ и бриговъ.

Въ наваринскомъ сраженіи наибольшая работа досталась на долю трехъ адмиральскихъ кораблей союзныхъ эскадръ и они же больше всѣхъ и пострадали. „Азія“ и „Сирена“ потеряли всѣ свои бизань-мачты. „Азовъ“, получившій сто пятьдесятъ три ядра въ свой корпусъ, имѣлъ мачты до того избитыми, что едва могъ нести паруса. Капитанъ Лазаревъ 2-й, командиръ этого судна, обратилъ на себя общее вниманіе своимъ въ высшей степени хладнокровнымъ и искуснымъ маневрированіемъ. Многіе изъ его офицеровъ были убиты или ранены возлѣ него. И другія русскія суда, въ особенности „Ескіиль“, потеряли большія или меньшія аваріи.

Число убитыхъ на русской эскадрѣ простиралось до пятидесяти девяти; на французской до сорока трехъ; на англійской до семидесяти пяти. Ранено: русскихъ 198, англичанъ 272, французовъ 187. Турецко-египетскій флотъ потерялъ отъ шести до семи тысячъ убитыми, ранеными и утонувшими.

Изъ геройскихъ подвиговъ, которыми ознаменовали себя и начальники и подчиненные русскихъ судовъ, упомянемъ о двухъ.

Капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый картечью при самомъ началѣ сраженія, не хотѣлъ оставить своего поста. Не будучи однако въ силахъ держаться на ногахъ, онъ приказалъ привязать себя къ канату, и, въ продолженіе четырехъ часовъ стоя на колѣняхъ, на бакѣ своего корабля, продолжалъ командовать.

Одинъ изъ офицеровъ „Азова“, лейтенантъ Бутеневъ, которому надлежало отнять раздробленную руку, вырвался отъ медиковъ, перевязывавшихъ его, узнавъ, что „Азовъ“ атаковалъ турецкій адмиральскій корабль, и поднялся на палубу, чтобы быть, какъ онъ выразился, свидѣтелемъ побѣды своего флага.

Черезъ два дня послѣ сраженія, вице-адмиралъ Кодрингтонъ адресовалъ слѣдующее письмо контръ-адмиралу графу

Гейдену, отправляющемуся со своею эскадрою въ Мальту для починки судовъ:

„Корабль его величества „Азія“.

Наваринъ, 23-го октября 1827.

„Господинъ адмиралъ, когда ваше сіятельство сдѣлали мнѣ честь поступить добровольно подъ мое начальство съ русскою эскадрою, вы дали мнѣ право быть судьбою вашихъ дѣйствій въ такомъ положеніи, возложивъ на меня и большую часть отвѣтственности за оныя. Пользуясь симъ правомъ, долженъ сказать вамъ, что я съ величайшимъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ вы, 20-го числа, водили въ огонь вашу эскадру. Ничто не можетъ превзойти превосходнаго маневрированія судовъ, вами командуемыхъ, и однимъ изъ счастливѣйшихъ событій въ моей жизни будетъ то, что я имѣлъ васъ подъ моимъ начальствомъ въ кровопролитномъ и истребительномъ сраженіи при Наваринѣ.

„Имѣю честь быть, господинъ адмиралъ, и проч.

„Э. Кодрингтонъ.“

Императоръ Николай Павловичъ, возвратясь изъ поѣздки своей въ Ригу и въ Динабургъ, присутствовалъ (8-го ноября), съ императрицею и императорскою семейей, при благодарственномъ молебнѣ, въ церкви Зимняго дворца, по случаю взятія Эривани. Затѣмъ ключи этой крѣпости и четыре знамени, взятые на валахъ ея, были возимы по городскимъ улицамъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Пять дней спустя, офицеръ эскадры контръ-адмирала графа Гейдена привезъ первыя подробности о наваринскомъ сраженіи, а вечеромъ того же дня императоръ получилъ отъ генералъ-адъютанта Паскевича извѣстія о взятіи Тавриза и объ открытіи мирныхъ переговоровъ съ Абась-Мирзою.

О двухъ славныхъ побѣдахъ, озарившихъ новымъ блескомъ и русскую армию и русский флотъ, немедленно было объявлено въ газетахъ. Въстѣ съ тѣмъ его величество поспѣшилъ награждать графа Гейдена чиномъ вице-адмирала и орденомъ св. Георгія третьей степени. Капитанъ 1-го ранга Лазаревъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы; прочіе офицеры, отличившіеся въ наваринскомъ сраженіи, получили чины и ордена. Адмиралы англійскій и французскій, дѣлавшіе опасности и сла-

ву съ начальникомъ русской эскадры, конечно не могли быть забыты. Императоръ, въ самый день получения вѣсти о побѣдѣ соединенныхъ эскадръ, удостоилъ ихъ слѣдующими рескриптами:

„Господинъ вице-адмиралъ Кодрингтонъ, вы одержали такую побѣду, за которую просвѣщенная Европа должна быть вамъ вдвойнѣ признательна. Достопамятная битва при Наваринѣ и смѣлые маневры, ей предшествовавшіе, не только свидѣлствуютъ свѣту о степени сочувствія трехъ великихъ державъ къ дѣлу, благородный характеръ котораго возвышается ихъ безкорыстіемъ, но и доказываютъ, что могутъ совершить твердость противъ числа и искусно направляемое мужество противъ слѣпой отваги, каковы бы ни были силы, на которыя оно опирается.

„Имя ваше отнынѣ принадлежитъ потомству. Я умалилъ бы похвалами славу; которою оно окружено; но я чувствую потребность представить вамъ отличное свидѣтельство той признательности и того уваженія, которыя вы внушаете Россіи, и въ ознаменованіе оныхъ препровождаю къ вамъ знаки военнаго ордена Св. Георгія Побѣдоносца второй степени. Русскій флотъ гордится вашими похвалами, выраженными ему за Наваринъ, а мнѣ особенно пріятно увѣрить васъ въ чувствахъ моего къ вамъ почтенія.“

„Н и к о л а й .“

„8-го ноября (20 нов. ст.) 1827“.

„Господинъ вице-адмиралъ де-Риньи, вы принимали въ достославной битвѣ при Наваринѣ участіе, достойное державы, морскими силами которой вы начальствуете, и храбрости, всегда отличавшей французскую націю. Но не одной Франціей ограничиваются заслуги, оказанныя вами въ семъ достопамятномъ случаѣ: три монарха, поддерживающіе съ благороднѣйшимъ безкорыстіемъ дѣло отнынѣ общее, обязаны вамъ одинаковою признательностію.

„Вмѣняю себѣ въ долгъ изъявить вамъ мою признательность и препровождаю при семъ знаки ордена Св. Александра Невскаго.

„Отличіе сіе да послужитъ вамъ, господинъ вице-адмиралъ, свидѣтельствомъ моего высокаго уваженія. Вы имѣете на оное

неоспоримыя права, а я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ повторить вамъ выраженіе чувствъ, мною къ вамъ питаемыхъ.

„Н и к о л а й.“

„8-го ноября (20 нов. ст.) 1827“.

Примѣру императора Николая послѣдовали короли великобританскій и французскій: три великія державы обмѣнялись поздравленіями и почетными знаками, пожалованными начальникамъ ихъ эскадръ (*). Но на вѣроятныя послѣдствія наваринской побѣды смотрѣли не одинаково при трехъ дворахъ, подписавшихъ трактатъ 6-го іюля.

(*) Графъ Гейденъ получилъ отъ англійскаго короля орденъ Бани второй степени, отъ французскаго св. Людовика первой степени.